

А. А. Новик (Санкт-Петербург)

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ КАК АКТ КОММУНИКАЦИИ
В АЛБАНСКО-ГРЕЧЕСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ХИМАРУ В 2018 Г.*

Семейные истории — один из самых частотных видов нарративов, фиксируемых в ходе экспедиционной работы по сбору полевых этнологических, лингвистических, фольклорных и иных материалов. Как и тексты семейных хроник, устные семейные истории обладают исключительно высокой степенью приближения и высокой достоверностью, а потому приобретают исключительную популярность в антропологических исследованиях последних лет (см. например: Тишков 2001; Гуревич 2018).

В зонах этноязыковых контактов семейные истории нередко становятся структурообразующими хрониками местности, выполняющими функцию источника, почти архивного документа, подлинность которого, скажем так, нотариально не заверена и не доказана, но оспаривать который вряд ли кто-то решится — столь велика в традиционном и современном обществе бывает вера в слово, тем более в «слово семьи» или «слово о семье».

Целью данной работы является представить и проанализировать семейные истории, зафиксированные в ходе полевой работы у грекоязычного и албаноязычного населения Химары¹, как жанр нарративов, функционально направленных на коммуникацию со *своими* и *чужими* при самоидентификации и для самопозиционирования. Предметом исследования стали исключительно семейные истории, поведенные нашими ключевыми информантами при обосновании своей (и своих близких) автохтонности в регионе по отношению к другим.

* Работа выполнена при поддержке СПбГУ. Мероприятие 6, 2018. COLLAB 2018.

¹ *Краина* в Южной Албании, на побережье Ионического моря.

Население Химары имеет довольно сложный состав: албанцы православные, греки православные, албанцы мусульмане, арумыны по определению — православные, различные группы цыганского населения (их совсем мало, и появились они здесь лишь в последние годы), славяне-мусульмане (как сезонные рабочие и члены их семей). В регионе с таким сложным составом населения не может не вестись дискуссии о том, кто является здесь автохтоном, а кто — пришлый. При этом усиливающим фактором определенного размежевания на *своих* и *чужих* служит зачастую недалёковидная политика чиновников различного уровня — как в Албании, так и в Греции.

Для людей, живущих в обследованных населенных пунктах региона Химары¹, важным доказательством их автохтонности, т.е. локальной самоидентификации (географический фактор), имеющей прямое отношение как к этническому происхождению, так и к истории региона, а соответственно, и к вопросу национальному (от понятия «нация»), касающемуся уже национальной самоидентификации (например, гражданином какой страны себя считать), являются семейные истории.

Практически все опрошенные информанты (в 2018 г. их было 15 человек), невзирая на тему интервью², сочли долгом рассказать о своей семье — такие истории призваны были послужить сильным аргументом в доказательстве своих прав являться автохтонным жителем Химары. При этом так поступали как те, кто позиционирует себя греком, так и те, кто позиционирует себя албанцем.

Достаточно подробное интервью было записано автором в так называемой деревне Химаре (алб. *Himara fshat*) — историческом центре города Химары, самого крупного населенного пункта историко-этнографической области Химары, у Йорго Рондо (*Jorgo Rondo*), 1940 г.р. Прадед информанта, Одиссей Рондо (*Odhise Rondo*), 1880-х гг. р., был обычным чабаном в своем селе — пас овец. Считался уважаемым человеком³, имел семью, достойно растил детей. В начале XX в. прадед решил построить в селе церковь на собственные средства. Его доходы

¹ Это сам город Химара и находящиеся поблизости села: Кепаро, Борш и др.

² Запись материалов велась на темы свадьбы, традиционной одежды, кухни из рыбы и морепродуктов, терминологии рыболовства и многие др.

³ Данная характеристика весьма значима для описания ситуации в Химаре. Для сравнения, у албанцев Украины такие профессиональные занятия считались низко-статусными, чабан занимал низшую ступень в социальной структуре балканских колонистов в XIX–XX вв.

позволяли это сделать. Свою мечту прадед осуществил — построил церковь св. Спиридона. В дальнейшем семья содержала храм, в который прибывали верующие со всей округи. С приходом к власти в 1944 г. коммунистов ситуация в Химаре резко изменилась. В 1967 г. все культовые учреждения в Албании были закрыты, священнослужители репрессированы. Храм, содержавшийся семьей Рондо, был закрыт (АМАЭ: Новик 2018А: 8–9).

Информанту важно подчеркнуть, что его семья была греческой, они всегда говорили между собой и с соседями и родней по-гречески. А самым важным аргументом является то, что прадед построил в селе (на этой земле!) храм — и храм, посвященный особо почитаемому греческому святому — Спиридону.

Во время демократических преобразований в Албании, в начале 1990 х гг., информант как этнический грек уехал в Грецию. Сумел отыскать там отца, бежавшего из социалистического «рая», бросив жену и детей. В дальнейшем унаследовал его типографский бизнес, проработал много лет в Афинах. Затем вышел на пенсию. В Химару приезжает на отдых каждое лето. Считает, что лучший отдых на родной земле, в собственном доме. К нему приезжает на долгий срок жена, а в августе бывают еще дети и внуки. Очень гордится тем, что он грек, что у него есть греческий паспорт, что у них с женой достойная пенсия (на двоих 1000 евро): «Нам, старикам, хорошо. Больших потребностей у нас уже нет. Этих денег вполне хватает» (АОЕ: Новик: Rondo_Jorgo_historia). Однако от льгот, предоставляемых албанским государством, они тоже не отказываются: «Мы и албанскую пенсию получаем. Она, правда, маленькая, но нам все равно в помощь!» (Ibidem).

Это «греческий взгляд» на историю Химары, ее прошлое и настоящее. В качестве важнейшего аргумента в отстаивании прав именно греков приводится история семьи с акцентом на следующие составляющие: «всегда говорили *по-гречески*», «прадед построил церковь святого Спиридона на *собственной земле*», «мы уехали в *Грецию*», «возвращаемся сюда, на *родную землю*» и др. Для большего эффекта — с целью расположить собеседника и убедить его в собственной правде — приводятся сведения о гонениях, которым подверглось в годы авторитарного правления Энвера Ходжи греческое меньшинство. И такая стратегия при коммуникации выбирается — с учетом собеседника — целенаправленно.

Для сравнения совершенно необходимо также и привлечение семейных историй с изложением точки зрения тех, кто позиционирует себя

албанцем. Во время экспедиции 2018 г. в г. Химаре было записано несколько интервью у информантов, декларирующих себя албанцами. Наиболее полярный по отношению к описанному нарративу взгляд на историю и события в регионе у тех, кто родился не здесь, а в северных или центральных областях страны, кто совершенно не имеет греческих корней и кто приехал сюда, в приморский регион, ради трудоустройства.

Инф.: Я не местная. Я родилась под Эльбасаном, точнее в Прэняс¹, — может, знаете? Я оттуда давно уже с мужем переехала. Там у нас совсем нет работы. А здесь — курорт, отдыхающие, можно жить. Здесь все хорошо, только вот... местные, они совсем расисты, они нас не любят и даже не скрывают этого.

А.Н.: Местные-то кто? Греки?

Инф.: Да нет, не только греки! Здесь что греки, что албанцы — пойдешь разберись с ними, кто они! Они — все одно! То греками себя называют, то албанцами. Смешанные они. А вообще — если они живут в Албании, то и считаться должны албанцами. Они себя только любят, всех остальных нет, особенно приезжих, как я. Расисты они!

А.Н.: Вы по-гречески говорите?

Инф.: Нет! Пытаюсь выучить, но у меня как-то не получается. Это не просто. Да и при таком отношении даже стимула нет учиться, правда!

А.Н.: А у Вас сын есть, подросток. Ему как здесь?

Инф.: О, сыну уже проще! У него все друзья местные, он уже на их языке может разговаривать. Детям легче, чем нам, взрослым.

А.Н.: Вы давно здесь?

Инф.: Да уже 10 лет... или около того. Я могу Вам историю своей семьи рассказать — Вам станет понятно. Родилась я в Прэняс, мы албанцы. <...> И всегда считали, что в Албании все албанцы живут. У меня братья-сестры по всему миру живут. Одни мы сюда приехали. И живем. А нас здесь за своих не считают. Мы, албанцы, живем в Албании, но словно и не у себя в стране. Это как-то неправильно! У нас корни здесь, в Албании... Ладно, надеюсь, все хорошо будет.

(АМАЭ: Новик 2018А: 38–39)

¹ Алб. *Prrenjas* — небольшой город, довольно далеко, по местным меркам, расположенный от Эльбасана. — А. Н.

Выше приведен фрагмент интервью, записанного у информантки, около 35 лет, албанки, родом из Средней Албании. Она содержит магазин туристических товаров в г. Химаре, рядом с набережной. (По понятным причинам имя и фамилия в тексте статьи не приводятся.) В качестве действенного аргумента в поддержку своих слов женщина в записанном интервью начинает рассказывать историю своей семьи, которая в действительности не имеет никакого отношения к региону, зато по замыслу рассказчика должна проложить путь к сердцу слушателя, являясь очень доступным и проверенным средством, чтобы вызвать сочувствие. Так как в беседе с приезжим исследователем избирается тактика рассказа о своей семье, то в нарратив параллельно вплетаются мемораты, бытующие в самой Химаре, — это должно обозначить причастность рассказчика к данному месту и обеспечить ему статус не приехавшего чужака, а давно живущего («уже 10 лет»), а потому обладающего правами старожила.

Как видно из приведенного выше материала, местные жители очень любят рассказать о своих корнях — это поднимает их авторитет в собственных глазах, а также должно, по определению, добавить веса в глазах собеседника.

Семейные истории могут выступать в качестве аргумента не только в акте коммуникации *свой vs чужой*. Иногда к ним прибегают и в споре со *своими*. Так, приведем пример «хозяйственного = культурного» спора. В регионе развит рыболовный промысел. В городах Саранде, Химаре, Влёре существует развитая (по местным меркам) сеть добычи рыбы, ее транспортировки, торговли и хранения. Во всех небольших поселках и селах на Ионическом побережье есть также рыбаки, выходящие практически в течение всего года в море на своих шхунах, баркасах и лодках. Регион тесно связан с морем и рыболовством. Семейные истории могут пролить свет и на эту сторону хозяйственных, социальных и культурных (в самом широком значении) сфер и особенностей региона. До настоящего времени в Химаре бытуют мемораты о развитии рыболовецкого промысла в *краине*. Так, часть опрошенных информантов с уверенностью рассказывает о том, что рыбная ловля издревле приносила местным жителями пропитание: с незапамятных времен (вариант: «со времен античности») мужчины отправлялись в море на промысел, который стабильно обеспечивал их семьи. При этом информанты не могут вспомнить, кто конкретно из их семьи и в какие годы занимался рыбной ловлей (АМАЭ: Новик 2018а: 28).

Другая часть опрошенных утверждает, что рыболовный промысел стал развиваться в здешних местах на должном уровне лишь после Второй мировой войны — в годы социалистического строительства, в период великой дружбы Албании с СССР. Тогда, в конце 1940–1950-х гг., значительное количество албанской молодежи было направлено учиться в Советский Союз, в том числе в вузы, готовившие специалистов по рыбному хозяйству и рыбной ловле. Тогда же с советской помощью в г. Влёре был модернизирован морской порт, создано рыболовецкое предприятие, доставлены из СССР рыболовецкие суда (информация Вангеля Менико, 1950 г.р., грека из г. Химары — АМАЭ: Новик 2018а: 25–27; АОЕ: Новик 2018: Vangjel_Meniko_historia). В рыбном хозяйстве стали работать подготовленные в СССР кадры (АМАЭ: Новик 2018а: 25). Знание местной истории формируется на фактах семейных историй. А в этих нарративах информанты ищут подтверждение своим взглядам на события, происходившие в стране, и именно они преподносятся как основная хроника прошлого. Такие, подчас парадоксальные, подходы можно объяснить тем, что в период *монизма*¹ люди перестали доверять средствам массовой информации, книгам, научным изысканиям (в гуманитарных науках, разумеется!), даже данным архивов — в них они скорее всего ожидали обнаружить неправду. Люди не доверяли обществу, а только тому, на кого и на что могли еще положиться, — своим близким, своей семье.

Что касается рыболовного промысла, наши ключевые информанты утверждают, что именно помощь Советского Союза (в дискурсе информантов — России) помогла местному населению освоить море (АОЕ: Новик 2018: Vangjel_Meniko_historia). Те же, кто рассказывает другую историю региона, на взгляд таких ключевых информантов, попросту не являются на 100 % местными, они переселенцы в первом или втором поколении (и не важно — албанцы они или греки).

«Меряться» семейными историями — это особый акт коммуникации местных жителей, который способен определить лидера в гонке за обладание высоким статусом автохтона, к которому стремятся люди, живущие в пограничье. Пожалуй, нигде в Албании больше нет такого трепетного отношения к тому, кем тебя могут счесть окружающие — своим или пришлым, иначе говоря, *чужим*.

¹ *Монизм* (алб. *moniz/ëm, -mi*) — авторитарное правление Энвера Ходжи и его преемников в Албании (1944–1991/1992).

Вокруг семейных устных хроник складывается целый набор иных нарративов: меморатов, быличек и др., обращение к которым в конкретных случаях у рассказчика имеет цель подкрепить сказанное; при этом нередко подобные намеренные отклонения от повествования семейной истории искажают содержание устоявшихся локальных преданий, легенд и пр.

К семейным историям нередко обращаются в коммуникации с соседями, когда необходимо обозначить свое место и историю своего рода в локальном сообществе, к ним прибегают как к аргументу в спорах и т.п. Семейные истории транслируют — и это главное — следующим поколениям. При этом если даже эти нарративы являются в значительной части вымышленными или до неузнаваемости приукрашенными, они со временем канонизируются и приобретают ореол реальной истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- АМАЭ: Новик 2018а — *Новик А. А.* Южная Албания, Химара. Традиционная культура и этноязыковая ситуация в зоне греческо-албанских контактов у православных греков и албанцев. Сентябрь 2018 г. Полевые записи. Автограф. 22–26.09.2018 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № временно б/н. 39 л.
- АОЕ: Новик 2018: *Rondo_Jorgo_historia* — *Новик А. А.* *Rondo_Jorgo_historia*. Цифровая аудиозапись. 2018 // Архив отдела европеистики МАЭ. Химара. 2018. Новик А. А.
- АОЕ: Новик 2018: *Vangjel_Meniko_historia* — *Новик А. А.* *Vangjel_Meniko_historia*. Цифровая аудиозапись. 2018 // Архив отдела европеистики МАЭ. Химара. 2018. Новик А. А.
- Гуревич 2018 — *Гуревич Ф.* Мы вынуждены сообщить вам, что завтра нас и нашу семью убьют: Истории из Руанды / Филипп Гуревич; [перевод с английского Э. Мельник]. [Пер. изд.: Philip Gourevitch. *We Wish to Inform You that Tomorrow We Will Be Killed with Our Families: Stories From Rwanda*. 1998]. М.: Э, 2018.
- Тишков 2001 — *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.